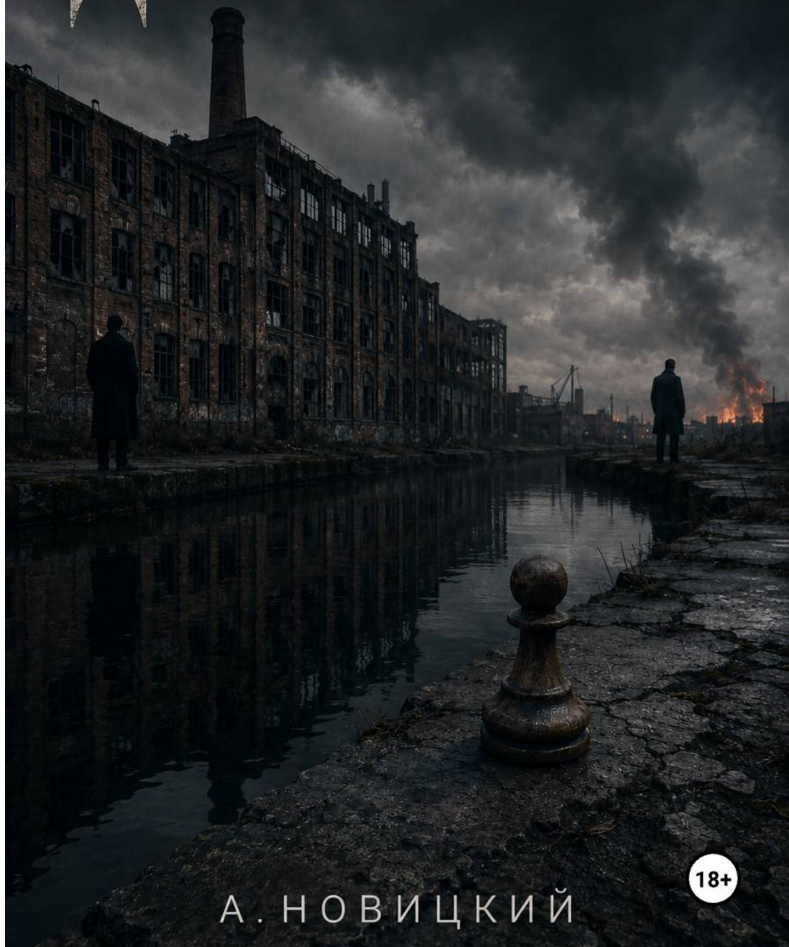

ДЕВЯТЬ ВЕКОВ

А. НОВИЦКИЙ

18+

Виктор Новицкий

Девять веков

<https://litres.ru/73969688>

SelfPub; 2026

Аннотация

Два брата. Один город. Одна война.

Каллум Боклер верит в кровь, землю и справедливость, добытую кулаками. Его младший брат Билли верит в Каллума. Но когда идол падает, а герой оказывается чудовищем, остаётся только один вопрос: можно ли остановить колесо ненависти, которое катится сквозь поколения? Или оно перемалывает всех?

«Девять веков» — роман без компромиссов. О братстве, предательстве, тюрьме, шахматах и надежде, которая умирает последней. Иногда — слишком поздно.

Содержание

«Девять веков» — Пролог	4
«Девять веков» — Глава 1. Билли	11
«Девять веков» — Глава 2. Красная Заря	17
«Девять веков» — Глава 3. Лев и Корона	24
«Девять веков» — Глава 4. Парадайз-стрит	40
«Девять веков» — Глава 5. Круги по воде	55
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Виктор Новицкий

Девять веков

«Девять веков» — Пролог

Август, 1994. Где-то в Йоркшире.

Запах стоит такой, что глаза слезятся. Сладковатый, тошнотворный дух разлагающейся плоти смешивается с едкой вонью дешевого бензина. Мухи облепили лицо мертвой собаки так плотно, что кажется, будто голова шевелится. Это немецкая овчарка. Ей было года четыре. Хозяин называл её просто — Сука. Теперь это просто груды мяса и шерсти на дне заброшенного карьера, куда местные сваливают мусор.

Четверо парней стоят полукругом. Их ботинки утопают в грязи. В центре, на коленях, стоит пятый. Его зовут Мартин, ему только исполнилось шестнадцать, и его тошнит. Он уже опорожнил желудок, но спазмы продолжаются, выворачивая его наизнанку. Желчь капает с подбородка на растянутый свитер с логотипом «Манчестер Юнайтед».

— Встань, — говорит Каллум.

Его голос звучит почти ласково. Почти по-отечески. Ему двадцать, но выглядит он старше — война, которую он ведет последние пять лет, состарила его лицо. Скулы острые, глаза светлые, почти прозрачные, с тяжелыми веками. Голо-

ва выбрита под ноль. На шее, прямо над воротником черной куртки-бомбера, виднеется татуировка: Георгиевский крест с вписанной в него цифрой «14». Четырнадцать слов.

Мартин пытается подняться. Ноги не держат. Он снова падает коленями в грязь.

— Я сказал: встань.

Крыса хихикает. Это не смех, а скорее нервное повизгивание. Ему девятнадцать, он тощий, с крысиным лицом — маленькие глазки, острый нос, вечно влажные губы. Его левая рука постоянно дрожит после того, как год назад ему перебили нерв в драке с азиатами. С тех пор он ненавидит их с удвоенной силой, будто эта дрожь — напоминание, которое не дает ему уснуть.

— Может, он ссыт? — говорит Крыса. — В прямом смысле ссыт? Нюхай, Шкаф, нюхай. Ты у нас спец по запахам.

Шкаф молчит. Он стоит чуть поодаль, огромная туша в засаленной куртке. Ему двадцать пять, и он самый старший, но умственно он застрял где-то в двенадцати. Детская травма: отчим бил его головой о батарею, пока что-то внутри черепа не сломалось. Теперь Шкаф — идеальный солдат. Он не задает вопросов. Он просто делает.

Каллум подходит к Мартину. Наклоняется. Берет его за подбородок — не грубо, но крепко — и поднимает его лицо к свету. Солнце уже садится, и карьер залит багровым, как кровь.

— Посмотри на меня.

Мартин смотрит. Его глаза красные, опухшие.

— Я не могу, — шепчет он. — Я думал, это... я думал, будет просто драка. Как обычно. Против леваков. Я не могу убить животное. Оно же не...

— Не что? — перебивает Каллум. — Не человек? Верно. Это собака. Всего лишь собака. И знаешь, в чем разница между тобой и этой мертвой сукой?

Мартин мотает головой.

— Разница в том, что она защищала своего хозяина до конца. У нее были яйца. А у тебя — ты только что обоссался перед своими братьями.

Крыса снова повизгивает. На этот раз громче. Шкаф улыбается — это жуткое зрелище, потому что его лицо, кажется, вообще не приспособлено для улыбок. Получается гримаса, как у человека, который пытается вспомнить, что такое радость.

Каллум отпускает подбородок Мартина и выпрямляется.

— Встань.

Мартин встает. Его шатает, но он стоит.

— Вот так, — Каллум кладет руку ему на плечо. — Ты думаешь, это жестоко? Думаешь, я зверь? — Он обводит рукой карьер, мертвую собаку, парней. — Нет. Это — школа. Мы учимся делать то, что придется делать, когда наступит время. А оно наступит. Очень скоро. И когда эти красные ублюдки придут за твоей матерью, за твоей сестрой, за твоей землей — ты должен быть готов. Ты должен уметь убивать.

Он делает паузу. Тишина давит.

— Но мы — не дикари. Мы — наследники. Кровь наших отцов течет в нас. И мы не можем позволить себе быть слабыми. Слабость — это предательство. А предателей мы...

Он не заканчивает фразу. Вместо этого он достает из-за пояса молоток. Обычный слесарный молоток с деревянной ручкой, потемневшей от времени и пота. Он протягивает его Мартину рукояткой вперед.

— Ты сделаешь это не потому, что я прошу. Ты сделаешь это, потому что ты — один из нас. Иначе ты просто мясо. И с тобой будет то же, что с этой сукой. Понял?

Мартин смотрит на молоток. На мертвую собаку. На парней. На Каллума. В его глазах что-то ломается. Это почти видимый процесс — как трещина на стекле, которая ползет от края до края. Он берет молоток. Руки дрожат.

— Я... что я должен делать?

— Ударь её по голове. Изо всех сил. Покажи, что ты готов.

Собака уже мертва. Это бессмысленно. В этом и есть смысл. Это ритуал. Посвящение в братство, где единственный закон — это верность, скрепленная кровью.

Мартин подходит к туше. Заносит молоток. Медлит. Крыса сзади издает нетерпеливый звук.

— Давай, мать твою, урод! — рычит он. — Ты тут до утра будешь сопли жевать? У меня пиво стынет!

Мартин бьет. Первый удар слабый, молоток отскакивает от черепа с глухим стуком. Мухи взлетают облаком. Мартин

бьет снова, и снова, и снова. Он уже не контролирует себя. Его движения становятся механическими, конвульсивными. Кровь и ошметки мозга летят на его свитер, на лицо, на ботинки. Он плачет, не переставая бить.

Каллум смотрит. На его лице ничего не отражается. Это просто работа. Воспитание.

— Хватит.

Мартин не слышит. Продолжает.

— Хватит! — Каллум хватается его за руку. Молоток падает в грязь. — Ты сделал это. Теперь ты с нами.

Мартин поворачивается к нему. Лицо перепачкано кровью и ошметками. Глаза пустые. Он больше не плачет.

— Добро пожаловать в семью, — тихо говорит Каллум.

Шкаф подходит и хлопает Мартина по спине. Парень едва не падает от удара. Крыса смеется, пинает тушу собаки ногой.

— Вот теперь ты мужик! — орет он. — Чувак, ты глянь, что ты с ней сделал! Это, бля, искусство! Мы должны это сфотографировать.

Он достает дешевый Polaroid, который всегда таскает с собой. Наставляет на останки собаки. Вспышка. Жужжание выезжающего снимка. Крыса размахивает им в воздухе, ожидая проявки.

Каллум отходит в сторону. Смотрит на закат. Его лицо неподвижно. Он думает об отце. О том дне, когда тот не вернулся с шахты. О том, как мать плакала. О том, как он по-

клялся, что больше никогда не будет слабым.

— Завтра у нас дело, — говорит он, не оборачиваясь. — Блэквуд сказал, «Красная Заря» планирует марш в нашем районе. Мы их встретим.

Крыса присвистывает.

— Да ладно! Наконец-то! Я уж думал, они совсем трусы. Где встречаемся?

— В «Льве и Короне». В восемь. Приведи себя в порядок, Мартин. Ты должен выглядеть как мужчина, а не как заблеваный щенок. Шкаф, отведи его домой, проследи, чтобы мать ничего не заподозрила.

Шкаф кивает. Берет Мартина под локоть, почти нежно. Уводит из карьера.

Каллум и Крыса остаются вдвоем. Минуту они стоят молча. Солнце садится окончательно, и карьер погружается в тень.

— Знаешь, о чем я думаю? — говорит Крыса, закуривая. — О том, что было бы круто, если бы это была не собака.

Каллум поворачивает голову.

— Остынь.

— Да ладно, я же просто так. Мысль вслух. Но ты сам знаешь: рано или поздно придется. Собак на всех не напасешься.

Каллум смотрит на него долгим, тяжелым взглядом.

— Я сказал: остынь. Мы не звери. Мы воины. И мы воюем за свою землю, а не ради забавы. Ты забыл, зачем мы это

делаем?

Крыса поднимает руки в примирительном жесте.

— Ладно, ладно, брат. Я понял. Воины так воины. Я ж не спорю. Просто я хочу, чтобы они заплатили. За все. За моего отца. За твоего отца. За каждый закрытый завод и каждую отнятую работу. Я хочу видеть их кровь.

— Увидишь.

Каллум разворачивается и идет прочь, вверх по склону карьера. Крыса тушит сигарету о подошву, плюет на останки собаки и идет за ним.

Сзади, в грязи, остается лежать молоток. Утром его найдет какой-нибудь бомж, который ночует в заброшенных вагонах, и продаст за бутылку дешевого портвейна. А Polaroid-снимок мертвой собаки будет приклеен скотчем к стене в подвале паба «Лев и Корона» рядом с вырезками из газет о футбольных побоищах. Коллекция Блэквуда растет.

«Девять веков» — Глава 1. Билли

Октябрь, 1994. Восточный Кроссли. Два месяца спустя.

Я сижу на кухне и смотрю на свои руки.

Это странно — смотреть на свои руки и думать, что они сделали. Вчера я разбил лицо парню. Разбил до крови. До хруста. Я не знаю его имени, он учится в параллельном классе, просто посмотрел на меня не так. Слишком долго. Я ударил его пеналом — деревянным, тяжелым, который мать купила мне еще в начальной школе. Угол попал прямо в переносицу. Кровь хлынула мгновенно, как из крана. Он упал, схватился за лицо, и между его пальцами текло красное, густое, темное.

Учитель закричал. Меня схватили. Я не сопротивлялся.

Когда меня выводили из класса, я услышал, как кто-то сзади прошептал: «Это брат Каллума Боклера».

И в этот момент я почувствовал не стыд. Не страх. Я почувствовал гордость.

Вот что делает со мной имя брата.

Сейчас утро субботы. За окном серо — обычная йоркширская осень, когда небо похоже на грязное одеяло. Мать еще спит наверху. Она вчера напилась. Я слышал, как она ходила по комнате, разговаривала сама с собой, потом плакала, потом уронила что-то стеклянное. Я не пошел проверить. Я больше не захожу в её комнату по ночам.

На столе передо мной стоит кружка с холодным чаем. Я не пью. Я просто смотрю на руки.

Дверь открывается.

Входит Каллум. Он не стучит — у него свои ключи. Он всегда появляется внезапно, как тень, как привидение, которое решило, что ему есть дело до этого дома. Одет в черную водолазку, черные джинсы, тяжелые ботинки. Пахнет табаком и чем-то металлическим — может, кровью? Я не спрашиваю.

— Привет, мелкий, — говорит он, садясь напротив. — Слышал, ты вчера отличился.

Он улыбается. Уголок рта едва заметно дергается. Это его версия теплоты.

— Ничего особенного.

— Не скромничай. Расскажи.

Я пожимаю плечами.

— Он пялился. Я ударил. Пеналом.

— Пеналом? — Каллум смеется. Это редкий звук, низкий и короткий, как лай. — Ты его чуть без глаза не оставил школьным пеналом. Уважаю. Только в следующий раз бей кулаком. Пенал — это бабское оружие.

Я киваю. «В следующий раз». Он говорит так, будто это неизбежно. И, наверное, он прав.

Он лезет в карман куртки и достает пачку сигарет. Протягивает мне. Я беру. Он щелкает зажигалкой. Мы курим молча.

— Я вчера говорил с Блэквудом, — говорит он, выпуская дым в потолок. — Он сказал, ты хочешь прийти. Настоящее дело.

Мое сердце пропускает удар. Я ждал этого разговора два года. С тех пор, как Каллум возглавил «Крестоносцев». С тех пор, как его имя стали шептать в пабах, а его фотография появилась в полицейском участке на доске «Особо опасны».

— Да, — говорю я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Я хочу.

— Это не игра, Билли. Ты понимаешь? То, что ты сделал в школе — это детский сад. Там тебе ничего не будет. Максимум — вызовут мать в школу, а она даже не проснется. Но если ты придешь к нам — обратного пути не будет.

— Я понимаю.

— Ничего ты не понимаешь, — он тушит сигарету прямо о стол, оставляя черный след на пластике. — Ты думаешь, это круто — быть моим братом. Быть частью «Крестоносцев». Ходить в паб, слушать речи, бить морды. Но это — дерьмо, понял? Полное дерьмо. Мы не выбирали эту жизнь. Она нас выбрала. Потому что у нас нет другой.

Он наклоняется ближе. Его светлые глаза смотрят прямо в мои.

— Отец мертв. Мать спилась. Этот город сдох. Все заводы закрыты. Все, что у нас было, украли. И кто это сделал? Леваки в правительстве? Банкиры в Лондоне? Или, может, те, кого они сюда привезли — дешевую рабочую силу, чтобы

заменить нас? Ты как думаешь?

Я молчу. Я слышал эту речь десятки раз. В пабе, дома, на улице. Но когда он говорит, это звучит иначе. Он не просто повторяет лозунги. Он верит. Каждое слово пропитано яростью такой силы, что она обжигает.

— Мы — последняя линия обороны, — продолжает он. — Если не мы, то кто? Кто защитит эту землю? Кто защитит память отца? Может, полиция? — Он смеется, зло, отрывисто. — Или политики? Или эти гнилые профсоюзы, которые продали нас еще в восьмидесятых?

Он встает. Ходит по кухне, как зверь в клетке.

— Я не прошу тебя верить во всё, что я говорю. Я прошу тебя верить в семью. В кровь. Ты — мой брат. Я люблю тебя. И я не допущу, чтобы ты стал таким же конченным неудачником, как все в этом городе. Ты понял?

— Да, — говорю я.

— Тогда слушай. В следующую субботу у нас акция. «Красная Заря» собирается провести свой гребаный концерт в Западном Кроссли. Соберутся все — панки, анархисты, иммигранты, все это отребье. Блэквуд хочет, чтобы мы «поприветствовали» их. Мы встретим их на полпути, до того, как они дойдут до места. Это будет не просто драка, Билли. Это будет заявление. Весь город должен знать: Восток — наша земля. И мы никого сюда не пустим.

Он останавливается передо мной. Кладет руку мне на плечо. Ладонь тяжелая, как камень.

— Ты хочешь пойти?

Я смотрю на него снизу вверх. Мой брат. Мой герой. Мое проклятие.

— Да, — говорю я. — Я пойду.

— Хорошо.

Он отпускает мое плечо и направляется к двери.

— Будь готов в субботу, в шесть. Я за тобой зайду.

— Каллум.

Он оборачивается.

— Я не подведу тебя.

Он смотрит на меня пару секунд. Что-то мелькает в его глазах — может, сомнение, может, тень того мальчика, которым он был до того, как стал тем, кем стал. Но это длится мгновение.

— Я знаю, — говорит он. И выходит.

Я остаюсь на кухне один. Смотрю на черный ожог на столе, оставленный его сигаретой. На свою кружку с холодным чаем. На свои руки, которые еще вчера разбивали лицо другому человеку, а через неделю будут...

Я не знаю, что они будут делать. Но обратного пути действительно нет.

Наверху, в своей комнате, просыпается мать. Она начинает кашлять — долгим, влажным кашлем курильщицы. Потом слышится звон стекла — наверное, ищет бутылку, которую не допила вчера.

Я встаю. Мою кружку. Выбрасываю окурочек в мусорное

ведро, подальше от ее глаз — она все еще думает, что я не курю.

Потом я иду в свою комнату, достаю из-под матраса старый плеер и наушники. Вставляю кассету. Это The Clash. «London Calling». Каллум убил бы меня, если бы узнал. Но он не узнает.

Я включаю музыку и закрываю глаза.

«Девять веков» —

Глава 2. Красная Заря

*Западный Кроссли. Зброшенная прядильная фабрика.
Тот же день.*

Сквот пахнет плесенью, мочой и надеждой.

Эшли сидит на подоконнике бывшего фабричного цеха, свесив ноги вниз. Пятый этаж. Отсюда видно весь город — серые коробки домов, ржавый скелет старой шахты, черную воду канала. Если долго смотреть, можно представить, что ты не в Кроссли, а где-то еще. Где угодно, только не здесь.

Внизу, на первом этаже, кто-то репетирует на гитаре. Три аккорда, бесконечно повторяющиеся. Панк-рок в худшем его проявлении — грязный, злой, как сама жизнь в этом городе. Эшли знает эту песню. Это Conflict, «The Ungovernable Force».

Она поправляет наушник плеера и делает глоток пива. Банка теплая. Плеер — древний, еще отцовский. Кассета — Dead Kennedys.

Ей девятнадцать. Три года назад она сбежала из дома. Отец — шахтер, оставшийся без работы. Мать — секретарша в мэрии. Брат — покончил с собой в восемнадцать. Обычная история для Кроссли: город перемальвает людей, как старая мясорубка, и выплевывает фарш.

Она нашла «Красную Зарю» случайно. Просто пришла на концерт в этом самом скворце, просто ввязалась в драку с какими-то скинхедами, которые попытались сорвать выступление. Её ударили бутылкой по голове. Шрам остался до сих пор — белая полоска над левой бровью. На следующий день она вернулась и попросилась в организацию.

Зак взял её не сразу. Он вообще никому не доверяет.

— Ты нам зачем? — спросил он тогда. — Бегать с арматурой, как пацан? У тебя кишка тонка.

— Я умею другое, — ответила она.

И она показала ему, что умеет: подделывать документы, взламывать телефонные линии, вычислять адреса через справочники. Её отец до закрытия шахт работал на телефонной станции и научил её нескольким трюкам. Плюс библиотека, плюс самообразование, плюс злость на весь мир.

Сейчас она — главный информационный ресурс «Красной Зари». Она знает адреса всех членов «Крестоносцев». Она знает расписание Блэквуда. Она знает, где Каллум покупает оружие. Она знает почти всё.

Почти.

Чего она не знает — так это того, что парень из музыкального магазина, который ей нравится — младший брат Каллума. Она понятия не имеет, что он — Билли Боклер. Она знает его как «того тихого парня с хорошим вкусом в музыке». И это незнание — бомба с часовым механизмом, которая уже тикает.

— Эшли!

Она оборачивается. В дверном проеме стоит Зак. Он высокий, сутулый — привычка гнуть спину, чтобы не выделяться, въелась еще в школе. Одет в старую армейскую куртку с нашивкой «Antifa» на рукаве. Под курткой — клетчатая рубашка, застиранная до дыр на локтях. Ему двадцать один, но выглядит он старше — глубокие тени под глазами, первый седой волос в темной шевелюре, шрам через левую скулу, оставленный кастетом в одной из драк с «Крестonosцами». Он ходит быстро, резко, как человек, который привык оглядываться через плечо.

— Слушаю, — говорит она, вынимая наушник.

— У меня работа. Срочная.

Он подходит ближе, кладет на подоконник папку. Она открывает. Внутри — несколько черно-белых фотографий. Мужчина, лет пятидесяти, в дорогом пальто. Снимки сделаны скрытой камерой, качество плохое, но узнать можно.

— Кто это?

— Артур Блэквуд.

Она поднимает брови.

— Я знаю, кто это. Я спрашиваю, зачем тебе новые фотки этого урода?

— Их сделали вчера в Манчестере. Он встречался с Джимми Хейзом.

Эшли замирает. Джимми Хейз — это легенда правого движения. Бывший политик, исключенный из партии за экс-

тремизм, теперь подпольный организатор с сетью по всей стране. Опасный, богатый, с адвокатами, которые могут отмазать его от чего угодно.

— Хейз? Зачем Блэквуду Хейз?

— Вот это я и хочу узнать. — Зак берет одну из фотографий. Его пальцы — длинные, с обгрызенными ногтями — слегка подрагивают. — Блэквуд — мелкая сошка. Паб, местная шпана, разборки на районном уровне. Но если он вышел на Хейза, значит, что-то затевается. Что-то большое.

— Ты думаешь, он планирует что-то масштабное?

— Я знаю. У меня есть информатор в Манчестере. Он говорит, что Хейз финансирует «Крестоносцев» через подставные фирмы уже три месяца. Деньги идут на оружие, на амунисию, на юридическую защиту. Блэквуд готовит войну, Эшли. Не драку, не потасовку — настоящую войну.

Эшли чувствует, как холодок пробегает по спине.

— Концерт в субботу, — говорит она тихо. — Ты думаешь, они...

— Я ничего не думаю. Я хочу знать точно. Ты можешь выяснить, где Блэквуд встречается с Хейзом в следующий раз? Телефонные звонки, банковские переводы, что угодно. Мне нужна информация до субботы. Если они готовят что-то к концерту, мы должны быть готовы.

— Я попробую.

— Не пробуй. Сделай.

Зак отходит от подоконника, подходит к столу, завален-

ному картами и бумагами. Проводит рукой по волосам — нервный жест, знакомый Эшли с первых дней.

— Есть еще кое-что, — говорит он, не оборачиваясь.

— Что?

— Каллум Боклер.

Имя падает в тишину комнаты, как камень в колодец.

— Что с ним? — Эшли старается, чтобы голос звучал ровно.

— Он опаснее, чем мы думали. Я перечитал старые отчеты. За последние два года он организовал больше двадцати нападений. И ни разу не был осужден. Ни разу. Полиция его боится. Его люди его боготворят. — Зак поворачивается к ней. — Знаешь, что говорят на улицах? Что он непобедим. Что его нельзя убить. Что он — призрак.

— Это просто разговоры.

— Разговоры создают мифы. А мифы создают армии. — Он подходит ближе. — Если мы столкнемся с ним в субботу... я хочу, чтобы ты была готова. Ты не боец, Эшли. Ты мозг. Если начнется заваруха, ты уходишь. Сразу. Без геройства.

— Я сама решу, что мне делать.

— Нет. — Его голос тверд, как бетон. — Ты нужна мне живой. Без тебя мы слепые. Ты поняла?

Эшли смотрит на него. Он не отводит глаз. Она знает этот взгляд — взгляд человека, который уже просчитал все варианты, включая худшие.

— Поняла, — говорит она.

— Хорошо. — Он отходит. — Тогда работай. У тебя два дня.

Он направляется к двери. У порога останавливается.

— И еще, Эшли.

— Да?

— Тот парень, с которым ты встречаешься. Из музыкального магазина.

Она краснеет.

— Мы не встречаемся. Просто разговариваем. О музыке.

— Как его зовут?

— Билли. — Она пожимает плечами. — Фамилию не спрашивала. Как-то не до того было.

— Билли, — повторяет Зак, пробуя имя на вкус. — Узнай фамилию. Просто на всякий случай. Время сейчас такое, что друзья становятся врагами быстрее, чем ты успеваешь понять.

Он уходит. Его шаги затихают в коридоре.

Эшли остается одна. Смотрит на фотографии Блэквуда. Потом переводит взгляд на плеер, на кассету в нем. Думает о Билли из музыкального магазина. О том, как он улыбался. О том, как они говорили о музыке два часа подряд — The Clash, Dead Kennedys, Buzzcocks. О том, что она даже не спросила его фамилию.

«Узнай фамилию».

Она встает, идет к своему столу, заваленному бумагами,

платами и проводами. Открывает блокнот с номерами телефонов. Но вместо того, чтобы начать работу, она долго смотрит в стену.

Что-то затевается. Она чувствует это кожей, как чувствуют приближение грозы — по давлению в воздухе, по запаху озона, по тому, как волосы встают дыбом.

Концерт в субботу. Два дня.

Она придвигает к себе телефонный справочник и начинает работать.

«Девять веков» —

Глава 3. Лев и Корона

Суббота. Восточный Кроссли. Вечер.

Каллум приходит ровно в шесть.

Билли слышит его шаги на крыльце за минуту до того, как открывается дверь. Он сидит в своей комнате, на кровати, уже одетый: старые джинсы, ботинки, которые он чистил полчаса, и куртка — та самая, что Каллум отдал ему в прошлом году. Черная, бомбер, на подкладке выцветшее пятно от крови. Не его крови. Брат сказал тогда: «Носи. Это память».

— Билли! — голос Каллума снизу, с кухни. — Ты готов?

— Иду.

Билли спускается по лестнице. Ступени скрипят под ногами — этот скрип он знает с детства, каждую половицу, каждую щель. На кухне Каллум стоит у стола, в своей обычной униформе: черная водолазка, черные джинсы, тяжелые ботинки. Пахнет от него табаком и холодным уличным воздухом. Он осматривает Билли с ног до головы, как сержант осматривает новобранца.

— Нормально выглядишь. Куртка сидит.

— Твоя куртка.

— Теперь твоя. — Он поправляет воротник на плечах

Билли. — Запомни: в пабе не суетись. Говори мало. Слушай много. Если кто-то попытается тебя проверить — не ведись. Они будут проверять. Ты — мой брат, и это значит, что к тебе будут относиться жестче, чем к любому другому новому. Ты должен быть вдвое лучше.

— Я понял.

— И еще. — Каллум кладет руку ему на плечо. — Мать не должна знать. Для нее ты идешь к школьному другу. Понял?

— Понял.

В этот момент сверху раздается шарканье. Оба замирают. На лестнице появляется мать — Грейс Боклер. Ей сорок два, но выглядит она на десять лет старше. Халат запачкан чем-то желтым, волосы спутаны, глаза красные. Она еще не пила сегодня — по крайней мере, не сильно. Но руки уже подрагивают.

— Куда это вы собрались? — Голос у нее хриплый, как у вороны. — Вдвоем. В субботу вечером. Каллум, ты снова втягиваешь его в свои дела?

— Мы идем к другу, мам, — говорит Билли. — К школьному. Я тебе говорил утром.

— Ты мне ничего не говорил.

— Говорил. Ты, наверное, забыла.

Она смотрит на него долгим, мутным взглядом. Потом переводит взгляд на Каллума. Между ними повисает напряжение — старое, застарелое, как трещина в фундаменте. Каллум не отводит глаз.

— Я присмотрю за ним, ма, — говорит он ровно. — Ничего не случится.

— Ты всегда так говоришь. — Она спускается еще на ступеньку. — Ты и за отцом не усмотрел.

Билли видит, как лицо Каллума каменеет. На секунду ему кажется, что брат сейчас что-то скажет — что-то страшное, непоправимое. Но Каллум просто выдыхает и берет Билли за локоть.

— Идем. Мы опаздываем.

Они выходят. Дверь закрывается. Последнее, что слышит Билли — как мать на кухне открывает бутылку.

Улица встречает их сырым октябрьским ветром. Уже стемнело. Фонари на Грейндж-роуд не горят — их разбили месяц назад, и муниципалитет не спешит чинить. Восточный Кроссли медленно умирает, и уличное освещение — последнее, о чем думают в мэрии.

Они идут молча первые две минуты. Ботинки Каллума стучат по асфальту тяжело, уверенно. Билли старается попасть в ритм.

— Она не права, — говорит наконец Билли. — То, что она сказала. Про отца.

— Она всегда это говорит. Привыкай.

— Ты же был тогда ребенком. Ты не мог ничего сделать.

Каллум останавливается. Поворачивается к брату. В тусклом свете далекого фонаря его лицо выглядит старым — не двадцать лет, а все сорок.

— Я мог. Я просто не знал как. Теперь знаю.

Он разворачивается и идет дальше. Билли за ним.

Они проходят мимо заброшенного магазина, мимо автобусной остановки с выбитым стеклом, мимо стены, на которой кто-то вывел белой краской: «ВОН ИЗ КРОССЛИ». Буквы неровные, но старательные. Под надписью — символ «Крестоносцев»: Георгиевский крест в круге.

— Ты нервничаешь? — спрашивает Каллум.

— Немного.

— Это хорошо. Нервы держат в тонусе. Но когда начнется — забудешь. Просто делай то, что я скажу, и все пройдет нормально.

— А Блэквуд? Какой он? Ну, на самом деле?

Каллум усмехается.

— Блэквуд — это... сложно. Он не святой. Далеко не святой. Но он знает, что делает. Он создал все это из ничего, когда город уже списали со счетов. У него есть видение. И он дал нам цель. Без него мы были бы просто шпаной с окраины.

— Крыса говорит, что Блэквуд наживается на нас.

— Крыса много чего говорит. — Каллум сплевывает на асфальт. — Крыса — полезный инструмент, но у него мозги как у его тезки. Не слушай его.

Они сворачивают на Грейндж-роуд. Впереди показывается паб «Лев и Корона» — приземистое здание из красного кирпича, почерневшего от копоти и времени. Вывеска со львом и короной покосилась еще в восьмидесятых и с тех

пор висит под углом, будто пьяный, который пытается удержаться на ногах после шестой пинты. Окна заколочены фанерой. Изнутри доносится глухой гул голосов.

Каллум останавливается у двери.

— Последний шанс, — говорит он. — Ты еще можешь уйти. Я скажу им, что ты заболел. Никто не осудит. Ты молодой.

Билли смотрит на дверь. На вывеску. На тени за фанерными щитами. Потом на брата.

— Я не уйду. Я готов.

Каллум кивает. Что-то в его лице меняется — может быть, гордость. Может быть, печаль. Трудно сказать.

— Тогда запомни: что бы ты ни увидел внутри, ты не показываешь страха. Вообще ничего не показываешь. Ты — Боклер. Девять веков. Этого достаточно.

Он толкает дверь и заходит внутрь. Билли — за ним.

Внутри пахнет пролитым пивом, табачным дымом, мужским потом и чем-то кислым — то ли старыми обоями, то ли застарелой ненавистью. Это запах, который въелся в стены за двадцать лет и который не выветрить никакой уборкой. Освещение тусклое, желтое — две лампы под потолком и неоновая вывеска «Carlsberg» над барной стойкой, которая мигает с нервным тиком. На стенах — флаги: Георгиевский крест, старый профсоюзный баннер «Шахтеры Кроссли — 1984», покрытый пятнами, и выцветшая фотография

королевы, на которую кто-то прилепил наклейку с надписью «Предательница».

За барной стойкой стоит Артур Блэквуд. Он протирает стакан грязным полотенцем, и в этом жесте есть что-то ритуальное. Ему пятьдесят два, но выглядит он моложе — подтянутый, жилистый, с седыми висками и холодными серыми глазами. Одет в белую рубашку с закатанными рукавами, жилет и галстук — старомодно, но это часть образа. Он не просто трактирщик. Он — вождь.

За длинным дубовым столом у стены сидят «Крестоносцы». Их около двадцати — все в куртках-бомберах, в тяжелых ботинках, с бритыми головами или короткими стрижками. Они пьют пиво, курят, смеются слишком громко. Их смех — не веселье, а демонстрация силы.

Когда Каллум и Билли входят, разговоры на секунду стихают. Все смотрят на них.

— А вот и наш герой с пеналом! — раздается голос Крысы. Он сидит на стуле верхом, положив подбородок на спинку, и его крысиные глазки изучают Билли с веселой злобой. — Заходи, парень, не стесняйся. Мы тут как раз говорили о тебе.

— Заткнись, Стиви, — говорит Блэквуд от стойки. Но без злости. Скорее, как хозяин одергивает лающую собаку.

Каллум подводит Билли к столу. Кто-то пододвигает стул. Билли садится рядом с братом — не во главе стола, но близко. Достаточно близко, чтобы все видели: это не просто но-

вичок. Это кровь.

Блэквуд оставляет стакан и подходит к столу. Его присутствие сразу меняет атмосферу — смех стихает, спины выпрямляются. Даже Крыса умолкает.

— Значит, это и есть младший Боклер. — Он протягивает руку. — Артур Блэквуд. Я знал твоего отца.

Билли пожимает руку. Ладонь Блэквуда сухая, крепкая, с мозолями — не рука трактирщика.

— Правда? — говорит Билли.

— Да. Мы вместе бастовали в восемьдесят четвертом. Твой отец был хорошим человеком. Сильным. Настоящим. — Блэквуд делает паузу, и его серые глаза сканируют лицо Билли. — Надеюсь, ты похож на него, а не на мать.

В его тоне — что-то скользкое. Билли чувствует это кожей, но не подает виду. Просто кивает.

И тут встречается Крыса. Он наклоняется вперед, щурится, будто только что заметил что-то интересное.

— Слушайте, а че за фамилия вообще такая? Боклер. — Он произносит её нарочито, растягивая слоги: Бок-лееер. — Это че, французское?

За столом оживление. Кто-то хмыкает. Крыса, почуяв внимание публики, продолжает:

— Я серьезно. У нас тут борьба за чистоту нации, а у главного человека фамилия как у лягушатника какого-то. Или это не французское? Может, еврейское? Бок-лер. Звучит как-то... ненадежно.

— Заткнись, Стиви, — спокойно говорит Каллум. Но в его голосе — металл.

— Да я ж ничего, я ж просто спросил. — Крыса поднимает руки. — Просто интересно. Мы тут англичане, саксы, все дела, а фамилия у вождя звучит как меню в дорогом ресторане. Может, нам всем взять такие фамилии? Я буду Крыса-Боклер. Звучит?

Несколько парней за столом смеются. Но смех затихает мгновенно, потому что Каллум поднимается со стула.

Он делает это медленно. Очень медленно. Движение, от которого воздух в пабе сгущается, как перед грозой. Он нависает над столом, и его тень падает на Крысу.

— Ты хочешь поговорить о моей фамилии? — Голос Каллума тихий, почти шепот. Но в этом шепоте больше угрозы, чем в любом крике. — Ты, ублюдок, чей дед даже читать не умел? Чей прадед копал канавы и сдох в грязи, никому не известный? Ты сидишь здесь, в моем пабе, дышишь моим воздухом, и открываешь свою вонючую пасть, чтобы обсуждать мое имя?

Крыса бледнеет. Открывает рот, но Каллум не дает ему сказать ни слова. Он упирается кулаками в стол и наклоняется вперед так, что его лицо оказывается в паре дюймов от лица Крысы.

— Beauclerc, — произносит он по слогам, с правильным французским прононсом, и каждый слог звучит как удар хлыста. — «Прекрасный ученый». Это имя носили рыца-

ри, когда твои предки жрали крыс в сточных канавах. Это имя пришло в Англию с Вильгельмом Завоевателем в тысяча шестьдесят шестом. Мои предки получили земли в Йоркшире за то, что рубили саксов в битве при Гастингсе, пока твои прятались в кустах и обделывались со страху. Девять веков, Стиви. Девять ебанных веков Боклеры живут на этой земле. Девять веков проливают за нее кровь. А ты, дрожащий кусок дерьма, ты, который даже свою фамилию не знает дальше деда, смеешь меня спрашивать, не французское ли у меня имя?

Он делает еще один вдох. Его глаза горят. Скулы побелели от напряжения.

— Я тебе скажу, что французское. И нормандское. И английское. Потому что настоящий англичанин — это не тот, у кого фамилия Смит или Джонс. Настоящий англичанин — это тот, чья кровь впиталась в эту землю. Моя — впиталась. Девять веков. А теперь скажи мне, Стиви, сколько веков твоя крысиная семейка живет в Йоркшире?

Крыса молчит. Его лицо посерело. Пальцы левой руки дрожат так сильно, что он вынужден прижать ее к столу.

— Я спросил, — повторяет Каллум. — Отвечай.

— Две... две сотни, — выдавливает Крыса. — Может, меньше.

— Две сотни, — Каллум выпрямляется. Его голос становится громче, теперь это голос не на одного Крысу, а на весь паб. — Две сотни лет против девяти веков. И ты открываешь

рот? Ты, со своей драной родословной, со своими трясущимися руками, со своими крысиными глазками — ты ставишь под вопрос мое право называться англичанином?

Он обводит взглядом стол. Никто не шевелится.

— Моя фамилия — это не просто слово. Это история. Это кровь. Это мой отец, который умер в шахте, добывая уголь для этой страны. Это мой дед, который воевал против Гитлера, пока твой дед, наверное, продавал краденое на черном рынке. Так что в следующий раз, когда ты захочешь обсудить мою фамилию, Стиви, вспомни: я могу пересчитать своих предков на девять веков назад. А ты не можешь назвать даже имя своего прадеда. И если ты еще раз откроешь свою пасть про мою фамилию, я захлопну ее так, что ты будешь жрать через трубочку до конца своей жалкой жизни. Ты меня понял?

Тишина. Полная, абсолютная. Слышно только, как мигает неоновая вывеска над баром.

— Ты. Меня. Понял?

— Да, — шепчет Крыса. — Понял. Извини, брат. Перегнул.

Каллум смотрит на него еще секунду. Потом садится обратно на стул. Берет стакан. Делает глоток. Как ни в чем не бывало.

— За Боклеров, — говорит Блэквуд, нарушая тишину, и в его голосе слышится что-то похожее на удовлетворение. — Девять веков. Пусть будет еще девять.

Он поднимает стакан. За столом, один за другим, поднимают кружки и стаканы. Даже Крыса, не глядя ни на кого, поднимает свой.

— За Боклеров.

Билли смотрит на брата. Сердце колотится где-то в горле. Он видел Каллума в гневе и раньше. Но таким — никогда. Это было похоже на извержение вулкана: медленное, неотвратимое, испепеляющее всё на своем пути. И хуже всего — он понимал, что Крыса заслужил каждое слово. И что каждый в этом пабе теперь будет думать дважды, прежде чем даже посмотреть на Каллума Боклера не так.

— Билли, — вдруг говорит Блэквуд, переключая внимание. — А ты знаешь свою родословную? Брат тебе рассказывал?

— Да, сэр. — Голос Билли звучит тверже, чем он ожидал. — Beaucleg. Девять веков. Рыцари Гастингса. Потом обедневшая ветвь, но кровь та же.

— Кровь та же, — повторяет Блэквуд с одобрением. — Вот что важно. Кровь. Земля. Память. Не бумажки, не деньги, не работа. Все это отнимают. А кровь — нет.

Он наклоняется к Билли через стол.

— Твой отец это понимал. Он умер не просто так. Он умер, защищая право работать на своей земле. И теперь вы с братом продолжаете его дело. Это правильно. Это достойно.

Он берет со стойки бутылку виски, ставит на стол рядом с Билли.

— Выпей. За отца.

Билли колеблется долю секунды. Каллум едва заметно кивает. Билли наливает полстакана, поднимает.

— За отца.

Пьет. Виски обжигает горло, но он не морщится. За столом одобрительный гул.

— Ладно, — говорит Блэквуд, возвращаясь к карте. — С родословной разобрались. Теперь к делу.

Он разглаживает карту ладонями. Это карта Кроссли, размеченная от руки синим и красным фломастером. Синий — «Крестоносцы». Красный — «Красная Заря».

— Они собираются на Парадайз-стрит. Там, где старая мебельная фабрика. — Блэквуд тычет пальцем в красную точку в западной части города. — Концерт начинается в девять. По нашим данным, соберется человек тридцать-сорок. Это почти все, кто у них есть. Если мы ударим по ним там, мы их размажем.

— Прямо на концерте? — спрашивает Шкаф. Он сидит, навалившись грудью на стол, и его лицо выражает напряженную работу мысли. — А полиция?

— Полиция будет там только к десяти. У меня есть информация. У них сегодня рейд в Манчестере, все силы там. Местный участок оголен. У нас будет окно в полтора часа.

— А если «Заря» тоже готовится? — спрашивает Марк «Кувалда», коренастый парень с перебитым носом. — Если

у них тоже есть оружие?

— У них всегда есть оружие, — отвечает Каллум, наклоняясь над картой. — Но мы ударим первыми. Внезапность — наше главное преимущество. Мы заходим с трех сторон: основная группа через главный вход, вторая через двор сзади, третья через подвал.

— Я хочу пойти с братом, — говорит Билли.

Каллум качает головой.

— Нет. Ты пойдешь с Крысой. Задний двор — самое безопасное. Основной бой будет внутри. Твоя задача — отсеять тех, кто попытается сбежать.

— Но...

— Я сказал.

Этот тон Билли знает с детства. Спорить бесполезно.

Крыса, все еще бледный после взбучки, молча кивает. Он не смотрит на Каллума.

— Если с ним что-то случится, — говорит Каллум, глядя прямо на Крысу, — ты ответишь. Лично. Понял?

Крыса встречает его взгляд. Что-то мелькает в его крысиных глазках — страх пополам с застарелой, глубоко запрятанной злобой.

— Понял, — говорит он коротко. Без ухмылки. Без шуток.

Блэквуд стучит пальцем по карте.

— Выдвигаемся в восемь тридцать. Идем пешком, разбившись на пары, не привлекая внимания. У всех есть ору-

жие?

За столом одобрительный гул. Кто-то достает нож, кто-то — кастет. Шкаф кладет на стол обрезок трубы, завернутый в тряпку. Крыса молча достает из-за пояса короткую бейсбольную биту с утяжеленным концом.

— Держи, — говорит кто-то из старших, протягивая Билли кастет. — На удачу, брат.

Билли сжимает металл в ладони. Холодный. Тяжелый.

В этот момент в паб заходит еще один человек. Он не из «Крестоносцев». Он из местных — старый шахтер по имени Фрэнк, который приходит сюда каждый вечер выпить свою пинту и ни с кем не разговаривает. Увидев собравшихся, он крикает, забирает кружку у стойки и уходит в дальний угол.

— Эй, Фрэнк! — окликает его Блэквуд. — Ты вовремя. Расскажи молодежи, как оно было в восемьдесят четвертом.

Фрэнк садится, шумно отхлебывает пиво. Его лицо — карта шахтерской жизни: морщины, въевшаяся угольная пыль, сломанный нос.

— В восемьдесят четвертом, — говорит он хриплым голосом, — мы стояли насмерть. Год без зарплаты. Женщины собирали еду по дворам. Дети голодали. Но мы стояли. А потом нас продали. Профсоюзные боссы договорились с правительством. И мы вернулись в шахты с пустыми руками.

Он плюет на пол.

— Через пять лет все шахты закрыли. Все. Так что мы боролись за право умереть на пять лет позже. Вот и вся ис-

тория.

Тишина за столом становится тяжелой. Даже Крыса, все еще переваривающий унижение, поднимает голову и слушает.

— Вот почему мы здесь, — говорит Блэквуд. — Вот почему мы не верим политикам. Не верим профсоюзам. Не верим никому, кроме своих. Сегодня мы покажем им, что Кроссли не умер. Что мы еще дышим.

Он поднимает стакан.

— За Кроссли. За наших отцов. За победу.

— За победу, — повторяют все.

Билли пьет вместе со всеми. Виски уже не обжигает — греет. Он чувствует, как по телу разливается тепло. Может, от алкоголя. Может, от чувства принадлежности. Он — Боклер. Он — «Крестonosец». Сегодня он станет мужчиной.

Каллум наклоняется к его уху. Шепчет:

— Держись Крысы. Делай, что он скажет. Если станет жарко — беги. Не геройствуй. Герои умирают первыми.

— А ты?

— А я не герой. Я — тот, кто выживает.

Каллум встает из-за стола. Пора выдвигаться. За окном окончательно стемнело, и где-то в Западном Кроссли уже настраивают гитары и разогревают пиво. Они еще не знают, что через час их концерт превратится в бойню.

Билли встает следом за братом. Сердце колотится где-то в горле. Но он не показывает страха. Он — Боклер. Девять

веков.

— Пора, — говорит Блэквуд. — Покажем им, кто мы.

«Крестonosцы» поднимаются. Гул голосов, скрежет стульев, звон кружек. Кто-то хлопает Билли по плечу — не сильно, но ощутимо. Он выходит из паба в сырую октябрьскую ночь.

Кастет в кармане оттягивает куртку. Холодный. Тяжелый. Как то, что должно случиться через час.

«Девять веков» —

Глава 4. Парадайз-стрит

Суббота. Западный Кроссли. Старая мебельная фабрика «Парадайз». 20:45.

Заброшенная мебельная фабрика стоит на Парадайз-стрит уже семь лет. Семь лет пустых окон, заколоченных дверей и ржавых труб, торчащих из стен, как сломанные кости. Название «Парадайз» кто-то вывел над въездными воротами еще в шестидесятых, и за тридцать лет краска облупилась, оставив только «ПАРА...» и обрывок буквы «Д». Местные называют это место «Параша». И сегодняшней концерт — первое событие в этих стенах за долгое время.

Внутри, в бывшем сборочном цехе, собралось около сорока человек. Половина — панки из Западного Кроссли: дреды, ирокезы, нашивки с серпом и молотом, армейские ботинки, куртки-бомберы с анархистскими значками. Половина — просто молодежь, которой некуда идти в субботу вечером, которую привлекли слухи о бесплатном пиве и громкой музыке. На импровизированной сцене из поддонов и листов фанеры трое парней настраивают гитары. Ударник колотит по бочке, проверяя звук. Гул голосов, смех, звон бутылок.

Никто не знает, что они уже в пути.

Зак стоит у дальней стены, скрестив руки на груди. Его лицо непроницаемо, но пальцы правой руки слегка подрагивают — единственный признак напряжения. Рядом с ним — пятеро бойцов «Красной Зари», которых он отобрал лично. Все в штатском, но под куртками — арматура, цепи, у одного — газовый баллончик. Зак не хотел брать оружие. Он говорил Эшли, что концерт — это не акция, это просто музыка. Но интуиция — та самая, что не давала ему сдохнуть последние пять лет, — заставила подготовиться.

— Что-то не так, — говорит он тихо, не обращаясь ни к кому конкретно.

— Все нормально, Зак, — отвечает парень с ирокезом по имени Дейв. — Расслабься. Пиво, музыка, никакой политики. Просто вечер.

— Именно это меня и беспокоит.

Зак осматривает цех. Два входа: главные ворота, через которые заходят люди, и задняя дверь в погрузочную зону. Есть еще подвал, но он затоплен еще с прошлой зимы. Третий вход? Нет. Только два. Если что-то случится, пути отхода ограничены.

Он смотрит на часы. 20:47. Через тринадцать минут начнется концерт.

— Я выйду проверю периметр, — говорит он Дейву. — Если что — дай знать.

— Да что может случиться?

Зак не отвечает. Он выходит через главные ворота в хо-

лодную октябрьскую ночь.

Парадайз-стрит пуста. Фонари не горят — здесь, на западе, их тоже разбили, просто потому что никто не чинит. Темнота густая, почти осязаемая. Зак вдыхает холодный воздух, пытаясь успокоить нервы.

И тут он слышит шаги.

Много шагов. Тяжелых. Приближающихся с трех сторон.

Он поворачивается. Успевает увидеть тени, выныривающие из переулка. Успевает увидеть бритые головы, блеск металла в тусклом свете далеких фонарей. Успевает понять, что опоздал.

— ДЕЙВ! — орет он, разворачиваясь к воротам. — ОНИ ЗДЕСЬ!

И тут на него обрушивается удар.

Каллум ведет основную группу через главный вход. Двенадцать человек. У каждого — нож, кастет, цепь. У самого Каллума в правой руке зажата арматура — короткий обрезок, тяжелый, с зазубренным краем. Он не чувствует холода. Не чувствует ничего, кроме спокойной, холодной ярости, которая копилась неделями и теперь нашла выход.

Когда Зак выбегает из ворот и орет предупреждение, Каллум видит его. Узнает мгновенно — высокий, сутулый, со шрамом через скулу. Тот самый, с кем они сцеплялись в августе. Тот самый, кто ушел тогда живым.

Сегодня не уйдет.

Каллум бьет первым. Арматура описывает короткую дугу и врезается Заку в плечо. Зак отшатывается, спотыкается о бордюр, но удерживается на ногах. Он выхватывает из-под куртки цепь.

— Боклер, — выплевывает он. — Я знал, что ты придешь.

— Знал? — Каллум улыбается. Это не улыбка. Это оскал.

— А я на это рассчитывал.

Они сходятся.

Звуки драки доносятся из цеха — крики, звон стекла, топот ног. Вторая группа Крысы уже ворвалась через заднюю дверь. Третья, со Шкафом, пробивается через подвал, который оказался не таким уж затопленным. Бойня началась.

Но здесь, на пустой улице перед воротами, время замедляется. Есть только Каллум и Зак. Два лидера. Два зеркала.

Зак бьет цепью. Каллум уклоняется. Арматура летит в ответ, попадает в бедро. Зак рычит от боли, но не падает. Он делает выпад, цепляет цепью левую руку Каллума. Ткань куртки рвется. Кровь.

— Это все, на что ты способен? — Каллум сплевывает. — Цепочка? Как девчонка?

— Иди в жопу.

Они кружат. Шаги по мокрому асфальту. Дыхание, вырывающееся паром в холодном воздухе. Где-то внутри фабрики кто-то кричит — долгий, пронзительный крик, обрывающийся на полуслове.

Каллум атакует. Быстро, яростно. Арматура свистит в воз-

духе. Удар — Зак едва успевает подставить цепь, металл звенит о металл. Второй удар — в плечо. Третий — в корпус. Зак сгибается, хватая ртом воздух.

— Ты думал, что можешь нам противостоять? — Каллум наступают. — Думал, что твоя жалкая кучка анархистов может что-то изменить? Вы — ничто. Мусор. Пена на поверхности.

Он заносит арматуру для последнего удара.

И тут Зак делает то, чего Каллум не ожидал. Он не защищается. Он бросается вперед.

Цепь захлестывается вокруг щиколотки Каллума. Зак дергает изо всех сил. Каллум теряет равновесие. Падает.

Теперь Зак сверху. Цепь в его руках натягивается вокруг горла Каллума.

— Мусор, говоришь? — хрипит Зак, затягивая петлю. — Посмотрим, кто здесь мусор.

Каллум пытается сбросить его. Не получается. Зак тяжелый, и он в отчаянии, а отчаяние придает сил. Арматура выпала из руки. Перед глазами плывут круги. Воздуха нет.

Он нащупывает что-то в кармане куртки. Кастет. Холодный. Тяжелый.

Рука с кастетом взлетает и обрушивается на лицо Зака. Раз. Второй. Третий. Хватка ослабевает. Цепь соскальзывает. Каллум делает вдох — воздух обжигает горло, как кислота.

Он перекатывается, освобождается, встает. Зак лежит на

асфальте. Его лицо разбито в кровь, левый глаз заплаыл, из носа хлещет. Но он все еще пытается подняться.

Каллум поднимает арматуру.

— Ты храбрый, — говорит он, тяжело дыша. — Признаю. Храбрый и тупой.

Он бьет.

Не в лицо. В спину. Арматура опускается на позвоночник Зака с влажным, тошнотворным хрустом. Звук, который Каллум уже слышал раньше — когда рубишь дерево, и топор попадает во что-то твердое внутри ствола.

Зак не кричит. Он просто обмякает. Его ноги перестают двигаться. Руки еще скребут по асфальту, но все остальное — ниже пояса — замирает, как отключенное.

— Вот так, — говорит Каллум, глядя сверху вниз. — Теперь ты никуда не убежишь.

Он отбрасывает арматуру в сторону. Та падает в лужу с металлическим звоном. На асфальте вокруг головы Зака расплывается темное пятно.

Из ворот фабрики выбегает девушка. Короткая стрижка, проколота бровь, куртка с нашивкой «The Clash». Эшли. Она видит Зака на земле. Видит Каллума над ним. Видит кровь.

— Нет! — кричит она и бросается вперед.

Каллум оборачивается. Видит девушку, склонившуюся над Заком. На секунду в его глазах мелькает что-то — может, узнавание, может, просто оценка угрозы. Но угрозы нет.

Это просто девчонка. Он разворачивается и уходит в темноту, туда, где его ждут остальные.

Эшли падает на колени рядом с Заком. Его глаза открыты. Он смотрит на нее, но взгляд плывет.

— Зак, Зак, ты меня слышишь? — Она хватает его за руку. — Все будет хорошо, слышишь? Я вызову скорую. Ты только держись.

— Спина, — шепчет он. — Я не чувствую... я не чувствую ног.

Эшли оглядывается по сторонам. Улица пуста. Из фабрики доносятся крики. Полиция будет здесь только через полчаса. Скорая — неизвестно когда.

Она снимает куртку, накрывает Зака. Садится рядом, держит его за руку и ждет.

Внутри фабрики — ад.

Билли прижимается спиной к стене в погрузочной зоне. Его сердце колотится так быстро, что кажется, сейчас выпрыгнет из груди. Рядом с ним Крыса. И еще трое «Крестносцев». Они только что прорвались через заднюю дверь и теперь отсекают тех, кто пытается сбежать.

Кастет в руке Билли скользкий от пота. Он еще никого не ударил. Он бежал, кричал, толкался — но никого не ударил. И каждый раз, когда перед ним возникало чье-то лицо, он медлил. На долю секунды. Но этого хватало.

Крыса замечает. Крыса всегда все замечает.

— Ну что, Боклер? — кричит он, перекрикивая шум драки. — Девять веков, а ударить боишься? Пенал твой где? Может, опять будешь школьными принадлежностями воевать?

Перед ними выскакивает парень с ирокезом. Дейв. Тот самый, кого Зак оставил за старшего. В руке у него обломок доски. Он бросается на Крысу.

Крыса уворачивается легко, почти лениво. Его бейсбольная бита описывает короткую дугу и врезается Дейву в колено. Парень падает с криком.

— Добей! — Крыса поворачивается к Билли. — Давай!

Билли смотрит на парня, корчащегося на бетонном полу. Тот пытается встать. Его лицо перепачкано кровью. Он смотрит на Билли. В его глазах не ненависть. Страх.

— Я...

— Ты что? — Крыса подходит ближе, и его голос сочится ядом. — Опять ссышь? Девять веков, рыцари Гастингса, великие Боклеры — а ударить человека кишка тонка? Может, тебе пенал принести? Ты же у нас специалист по школьным принадлежностям.

— Я не ссу.

— Тогда докажи. Добей его. Или так и будешь всю жизнь махать пеналом, пока настоящие мужики делают работу?

Билли сжимает кастет. Делает шаг к Дейву. Тот пытается отползти. Нога неестественно вывернута после удара битой. Он не боец. Он просто парень, который пришел на концерт.

Билли заносит руку. Медлит.

И в этот момент Дейв плюет ему в лицо.

Это не больно. Просто мокро и неожиданно. Но что-то внутри Билли щелкает. Что-то ломается — та самая перегородка, которую он строил последние недели, убеждая себя, что он сможет, что он готов, что он — Боклер. Девять веков.

Он бьет.

Кастет врезается в скулу Дейва. Парень отлетает назад, ударяется затылком о бетонный пол. Билли бьет снова, и снова, и снова. Он не контролирует себя. Его движения — механические, конвульсивные. Кровь летит на его куртку, на лицо, на ботинки.

— Хватит! — кричит кто-то сзади.

Билли не слышит.

— Хватит, мать твою!

Чья-то рука хватается его за плечо, оттаскивает. Это один из «Крестоносцев» постарше — Марк «Кувалда».

— Ты его убьешь! — рычит он. — Он уже готов. Пошли дальше.

Билли смотрит на Дейва. Тот лежит неподвижно. Лицо превратилось в кровавое месиво. Дышит ли он? Непонятно.

Крыса подходит, хлопает Билли по плечу.

— А ты ничего, когда захочешь. — В его голосе — что-то похожее на уважение. Или на насмешку. Трудно сказать. — Пошли, там еще есть работа.

Билли вытирает лицо рукавом. Рукав становится красным. Он смотрит на свои руки — те самые руки, на которые

он смотрел утром на кухне. Теперь они в крови.

И что-то внутри него — то, что еще утром слушало The Clash и мечтало о другой жизни, — затихает. Не умирает. Просто затихает. Как радио, которое выключили на середине песни.

Он идет за Крысой дальше, в глубь фабрики. Кастет в руке. Кровь на лице. Боклер. Девять веков.

В главном цехе бойня уже заканчивается.

Те, кто мог бежать, бежали. Те, кто не мог, лежат на полу. «Красная Заря» разгромлена. Двенадцать человек серьезно ранены. Двое в критическом состоянии. Убитых, кажется, нет — по крайней мере, пока.

Каллум стоит посреди цеха. Его лицо непроницаемо. Арматура в руке. Кровь на водолазке — не его. Он осматривает поле боя, как генерал после битвы.

— Уходим, — говорит он. — Полиция будет через пятнадцать минут. Крыса, собирай своих. Шкаф, проверь подвал, чтобы никого не оставили. Все расходятся по одному. Место сбора — «Лев и Корона» через час.

Он поворачивается к выходу. И замечает Билли.

Брат стоит у стены. Его лицо бледное. Куртка в крови. В руке кастет. Глаза пустые.

Каллум подходит.

— Ты как?

Билли не отвечает.

— Эй. — Каллум кладет руку ему на плечо. — Ты как, я спросил.

— Я... я сделал это. — Голос Билли звучит странно, будто он сам не верит в то, что говорит. — Я его... я не знаю, жив ли он.

— Кого?

— Парня. С ирокезом. Я его... я бил его и не мог остановиться.

Каллум несколько секунд смотрит на брата. Потом кивает.

— Это война. Здесь нет правых и виноватых. Есть живые и мертвые. Ты жив. Это главное.

— Но он...

— Забудь о нем. — Голос Каллума тверд, как бетон. — Ты не первый. Не последний. Ты — Боклер. Ты сделал то, что должен был.

Билли смотрит на брата. И впервые в жизни не видит в нем героя.

Он видит чудовище.

Но он ничего не говорит. Он просто кивает и идет к выходу.

Час спустя они собираются в «Льве и Короне». Все, кто уцелел. Атмосфера странная — не праздничная, не траурная. Скорее, опустошенная. Как после тяжелой работы.

Блэквуд разливает виски.

— Хорошая работа, — говорит он. — «Заря» надолго за-

помнит этот вечер. Их лидер... — он смотрит на Каллума, — ты знаешь, что с ним?

— Он не будет ходить, — отвечает Каллум спокойно. — Возможно, вообще никогда.

Блэквуд кивает. Ни улыбки, ни осуждения. Просто деловая оценка.

— Это меняет дело. Без Зака они развалятся. Информатор из Манчестера говорит, что их финансирование было завязано на него. Теперь все. Конец «Красной Заре».

Крыса поднимает кружку.

— За это и выпьем! За то, что раздавили красных ублюдков!

Поднимаются кружки. Кто-то кричит «За Крестоносцев!». Кто-то хлопает Каллума по спине. Шум, смех, звон стекла.

Билли сидит в углу. Он не пьет. Он смотрит на свои руки.

Они чистые. Он отмыл их в раковине паба, долго и тщательно, но ему все равно кажется, что под ногтями осталась кровь. Кровь того парня с ирокезом. Дейва. Он услышал его имя от кого-то из старших, когда они уходили. Имя, которое теперь будет звучать в его голове.

«Дейв. Двадцать лет. Множественные переломы лица. Состояние критическое. Возможно, не выживет».

Он пытается вспомнить его лицо до того, как оно превратилось в месиво. Не может. Помнит только глаза. Полные страха. Совсем не вражеские. Просто человеческие.

— Ты чего скис, брат? — Крыса плюхается на стул рядом. Его крысиные глазки блестят от выпитого. — Ты сегодня герой. Слышал, что про тебя говорят? Младший Боклер показал себя. Не ожидал, если честно. Думал, обоссешься. А ты нормально так, с кастетом. Глядишь, скоро и пенал не понадобится.

— Я в порядке.

— Ну да, ну да. — Крыса отхлебывает пива. — Знаешь, что помогает после первого раза? Выпить. Seriously. Выпей, и все пройдет.

Билли берет кружку. Делает глоток. Пиво теплое и безвкусное. Ничего не проходит.

Он думает об Эшли. О девушке из музыкального магазина. Они должны были встретиться завтра, в воскресенье, у винилового прилавка. Он обещал принести ей редкую запись — «Give 'Em Enough Rope» The Clash, японское издание, которое нашел в комиссионке. Он думает о том, что ничего не расскажет ей. Ни слова.

И он не знает, что в этот самый момент Эшли сидит в больнице Святой Марии, держит за руку человека, которого его брат только что превратил в инвалида.

И никогда не узнает.

Пока.

Каллум стоит у стойки, разговаривает с Блэквудом. Его лицо спокойно. Ни тени сомнения. Ни капли сожаления.

И Билли задает себе вопрос, который будет преследовать

его всю оставшуюся жизнь:

А что, если брат ошибается? Что, если все, что мы делаем — неправильно? Что, если я только что убил человека не за правое дело, а просто потому, что он слушал другую музыку и носил другие нашивки?

Но он молчит. Он допивает пиво. И делает вид, что ничего не случилось.

В ту же ночь, в больнице Святой Марии в западном Кроссли, Зак приходит в сознание.

Операция длилась четыре часа. Врачи сделали все, что могли, но повреждение спинного мозга необратимо. Отныне он парализован ниже пояса. Он никогда не будет ходить.

Эшли сидит у его койки. Она не плакала. Не кричала. Она просто сидела и ждала.

Когда Зак открывает глаза, первое, что он видит — её лицо.

— Дейв? — шепчет он. Голос слабый, едва слышный.

Эшли качает головой.

Зак закрывает глаза. Молчит долго.

— Это я виноват, — говорит он наконец. — Я знал, что они придут. Я должен был эвакуировать всех. Но я хотел... хотел показать, что мы не боимся. Что мы сильнее.

— Ты не мог знать.

— Мог. И знал. — Он открывает глаза. Смотрит в потолок. — Теперь всё. Я не встану. «Заря» без меня...

— Не говори так. Мы справимся. Ты справишься.

— Нет. — Его голос тверд. — Не справлюсь. Но это не важно. Важно другое. Ты должна узнать, кто финансирует Блэквуда. Хейз, другие — вся сеть. Ты должна докопаться до правды. И когда ты её найдешь... передай журналистам. Всем. Пусть они захлебнутся.

— Зак...

— Обещай мне.

Эшли смотрит на него. На его разбитое лицо, на трубки, торчащие из рук, на простыню, скрывающую неподвижные ноги.

— Обещаю.

— Хорошо. — Он закрывает глаза. — А теперь иди. Тебе нужно работать. У нас мало времени.

Эшли встает. Смотрит на него еще минуту. Потом выходит из палаты.

В коридоре она останавливается. Прислоняется спиной к стене. И только тогда, когда никто не видит, позволяет себе заплакать.

Но только минуту. Ровно минуту.

Потом она вытирает слезы и идет к выходу.

У нее есть работа.

«Девять веков» — Глава 5. Круги по воде

Октябрь-ноябрь, 1994. Восточный и Западный Кроссли.

1

Я не сплю вторую ночь.

Это не бессонница — это что-то другое. Тело выключается, проваливается в темноту на час, может, на два, а потом глаза открываются сами собой, и я лежу, глядя в потолок, и слушаю, как мать кашляет в своей комнате. Кашель у нее теперь почти постоянный, как тиканье часов. Как метроном, отсчитывающий время до чего-то неизбежного.

На потолке трещина. Я знаю её с детства — она идет от угла к люстре, извилистая, как русло пересохшей реки. Когда мне было семь, я представлял, что это карта какой-то далекой страны, которую я открою, когда вырасту и уеду из Кроссли. Сейчас я смотрю на нее и думаю, что она никуда не ведет. Просто трещина в штукатурке. Просто еще одна вещь, которая ломается, и никто не чинит.

Я закрываю глаза. И вижу его.

Дейв. Парень с ирокезом. Его лицо до того, как я превратил его в месиво. И после. Два изображения накладываются друг на друга, как два снимка на одном негативе, и я не могу разделить их.

Я слышал его имя, когда мы уходили. Кто-то из старших сказал: «Дейв, двадцать лет, критическое». И добавил что-то еще, но я не расслышал. Может, «может не выжить». А может, мне это просто кажется.

Я открываю глаза. Трещина на потолке никуда не делась.

Вчера звонила Эшли. Я не взял трубку. Она звонила дважды — утром и вечером. Я сидел на кухне, смотрел на телефон и считал гудки. Четыре. Пять. Шесть. Тишина. Через час снова. Четыре, пять, шесть. Тишина. Я знаю, что должен перезвонить. Мы договорились встретиться в воскресенье, у винилового прилавка в «Рекордс», и я обещал принести ей японское издание «Give 'Em Enough Rope». Я нашел его в комиссионке две недели назад, заплатил три фунта — целое состояние для меня, — и с тех пор держал под кроватью, ожидая воскресенья.

Теперь воскресенье прошло. Я не пришел. Пластинка так и лежит под кроватью, в конверте, который я даже не открыл.

Я не могу пойти к ней. Не сейчас. Потому что если я увижу её, она спросит, что случилось. И мне придется врать. Или говорить правду. И я не знаю, что хуже.

Каллум заходил вчера. Сказал: «Ты привыкнешь». Стоял в дверях моей комнаты, огромный, черный, как тень, и говорил, что это нормально — то, что я чувствую. «Все через это проходят. Первый раз — самый трудный. Потом легче». Он говорил это так, будто речь шла о чем-то обыденном. О первом дне на работе. О первой сигарете. О первом всем.

Я не хочу, чтобы становилось легче.

Я хочу, чтобы было трудно. Чтобы каждая секунда была как нож в живот. Потому что если станет легче, это будет значить, что я стал таким же, как он. А я еще не готов.

Я встаю с кровати. Подхожу к окну. Улица пуста — серый асфальт, серое небо, серая вода в канаве. Обычное утро в Кроссли. Где-то далеко лает собака.

Я достаю из-под матраса плеер и кассету The Clash. Держу их в руках. «London Calling». Я знаю каждую песню наизусть. Я мог бы включить прямо сейчас — мать все равно спит, — и на три минуты представить, что я не здесь. Что я не тот, кто в субботу вечером разбил человеку лицо кастетом.

Но я не включаю. Я кладу плеер и кассету обратно под матрас. И иду на кухню.

2

Больница пахнет хлоркой, лекарствами и отчаянием. Эшли уже выучила этот запах за три дня — он въедается в одежду, в волосы, в кожу, и сколько ни мойся, не исчезает до конца.

Она сидит у койки Зака. Палата общая, на восемь коек, но сейчас заняты только четыре. Старик у окна спит, приоткрыв рот. Подросток с переломанной ногой читает комикс. Кто-то кашляет за ширмой. Обычный больничный день.

Зак лежит на спине. Он не спит. Его глаза открыты и смотрят в потолок — точно так же, как в ту ночь, когда Эшли

привезли его на скорой. Прошло три дня, а он почти не говорил. Ел, когда заставляли. Пил, когда подносили стакан. Но не говорил.

Эшли ставит на тумбочку пакет с апельсинами.

— Привет.

Зак не отвечает.

— Я принесла тебе фрукты. Врач сказал, тебе нужны витамины. И еще газету. Там про футбол. Не знаю, интересуешь ли тебя футбол.

Она понимает, что говорит слишком много и слишком быстро. Это нервное. Она всегда так делает, когда не знает, что сказать.

Зак молчит.

Эшли садится на стул рядом с койкой. Достает из пакета апельсин, начинает чистить. Ногти впиваются в кожуру, брызгает сок. Запах цитруса на секунду перебивает больничную вонь.

— Я нашла кое-что, — говорит она, не поднимая глаз от апельсина. — В телефонных счетах. Ты был прав насчет Манчестера.

Зак поворачивает голову. Впервые за три дня.

— Что? — голос хриплый, слабый.

— Блэквуд звонил в офис, зарегистрированный на имя Джимми Хейза. Пять раз за последние две недели. И еще — платежи. Небольшие суммы, разбитые на несколько счетов. Двести фунтов здесь, триста там. Я еще не все проверила.

Но это точно он.

Зак смотрит на нее. В его глазах что-то теплится — не надежда, нет. Скорее, холодная, мрачная удовлетворенность. Как у человека, который знал, что мост заминирован, и вот наконец услышал взрыв.

— Хейз, — повторяет он. — Значит, я был прав.

— Да. Ты был прав.

Зак отворачивается к окну. Молчит.

Эшли протягивает ему дольку апельсина. Он не берет.

— Дейв? — спрашивает он.

— Жив. В коме. Врачи не дают прогнозов.

— Я должен был защитить его.

— Ты не мог.

— Мог. — Он закрывает глаза. — Я думал, что сильнее.

Что моя злость — это броня. Оказалось, это просто злость. Просто... злость.

Эшли хочет сказать что-то утешительное. Но не находит слов. Потому что он прав. Они все думали, что их злость — это броня. А она оказалась топливом, на котором они сгорели.

— Я продолжу копать, — говорит она. — Банковские переводы, встречи, всё. Если Хейз финансирует Блэквуда, я найду доказательства.

Зак открывает глаза. Смотрит на нее.

— Будь осторожна. Блэквуд не дурак. Если он узнает, что ты копаешь под него — тебя не защитит никто. Даже я. Осо-

бенно я.

— Я осторожна.

Она встает. Кладет очищенный апельсин на тумбочку, рядом с нетронутой газетой. Идет к двери.

— Эшли.

Она оборачивается.

— Спасибо, — говорит Зак. Одно слово, сухое, как выстрел. Но в нем больше, чем во всех речах, которые он произносил.

Эшли кивает и выходит.

В коридоре она на секунду прислоняется к стене. Думает о Билли. О том, что он не пришел в воскресенье. Не перезвонил. Может, просто занят. Может, что-то случилось.

А может, она просто ищет оправдания.

Она отталкивается от стены и идет к выходу. У нее работа. Всегда есть работа.

3

В пабе пусто. Только Каллум и Блэквуд. Первый сидит за столом с кружкой виски. Второй стоит за стойкой, перелистывая бухгалтерскую книгу. Свет единственной лампы выхватывает его лицо из полумрака — резкие тени, глубокие морщины.

— У меня две новости, — говорит Блэквуд, не отрываясь от книги.

Каллум ждет.

— Первая: Хейз хочет встретиться. Лично. С тобой.

Каллум ставит кружку. Это неожиданно. Джимми Хейз — не просто региональный координатор, он легенда. Человек, который превратил разрозненные банды скинхедов в сеть с финансированием, адвокатами, политическими связями. Встреча с ним — это либо большое повышение, либо большая опасность.

— Зачем я ему?

— Ты теперь не просто лидер местной шпаны, Каллум. — Блэквуд поднимает глаза от книги. — После субботы о тебе говорят. Человек, который в одиночку разобрался с Заком. Человек, который выключил «Красную Зарю» за одну ночь. Ты — актив. Хейз хочет расширяться. Подключать другие города — Лидс, Шеффилд, Брэдфорд. Ему нужны такие, как ты. Молодые, харизматичные, с репутацией.

— И что он предлагает?

— Пока не знаю. Встреча в следующую субботу, в Манчестере. Я поеду с тобой.

Каллум кивает. Он делает глоток виски. Виски теплое, обжигает горло. Он думает о том, что сказал Блэквуд. «Ты — актив». Не «ты — лидер», не «ты — герой». Актив. Как недвижимость. Как акции на бирже. Что-то, что можно купить, продать или списать, когда перестанет приносить прибыль.

— Ты сказал, две новости.

— Да. — Блэквуд закрывает книгу. Откладывает в сторо-

ну. — Вторая хуже. У нас информатор.

Каллум поднимает голову.

— Откуда знаешь?

Блэквуд достает из-под стойки газету. Разворачивает. Это «Манчестер Ивнинг Ньюс», не самый крупный заголовок, но заметный: «Рост правого насилия в Йоркшире: власти бездействуют». В статье — детали. Упоминается Кроссли. Упоминается нападение на концерт в субботу. Пока без имен, без конкретики. Но сам факт, что информация ушла так быстро, означает одно: кто-то сливает.

— Журналист? — спрашивает Каллум.

— Журналист — просто инструмент. Мне нужно знать, кто ему передал. Это кто-то из своих, Каллум. Кто-то, кто знал о субботе заранее. Знал время, место, состав групп.

Каллум молчит. Его мысли бегут по кругу, перебирая лица. Шкаф — слишком тупой. Кувалда — слишком преданный. Мартин — слишком запуганный. Гвоздь — никто, пустое место.

Крыса.

Крыса знал всё. Крыса был зол. Крыса смотрел на него после того унижения в пабе так, как смотрит крыса, загнанная в угол, — с ненавистью и страхом одновременно. Страх проходит, когда появляется возможность ударить в спину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.